

можетъ человѣкъ принять, (сіе) подается ему по милости, которая вмѣстѣ съ обѣтованіемъ дальнѣйшей подобной (же) милости низходитъ на принимающаго и покоится въ немъ. Кто имѣетъ, тому придано будетъ, дабы онъ по благодати въ самомъ себѣ изобиловалъ всѣми богатствами.

Итакъ, въ настоящее время подается намъ то, что слѣдуетъ, иначе не было бы подано, какъ говорить Писаніе. Такимъ образомъ, духъ мудрости не подается человѣку неразумному, дабы онъ не потерпѣлъ ущерба отъ сего свѣтильника. Но Духъ Святой, открыватель таинствъ, подается человѣку мудрому и разумѣющему, чтобы въ немъ процвѣтала мудрость, источникъ радостей, и слово веселія было при немъ. Взаимы получили, значить, будемъ и отдавать. Посему, если исповѣдуемъ Того, Кто далъ намъ заемъ, то Онъ еще придастъ намъ къ тому, что получили. Если же отвергаемъ Его, то не должны сомнѣваться, что у Него находится то, что получили. Хотя все, что получили, и было бы у насъ, (однако) если отвергаемъ, (на самомъ дѣлѣ) оно находится у Него; если же благодаримъ и вѣруемъ, то и (все) то, что у Него, есть и у насъ. „Кто имѣетъ, тому дано будетъ“. Павлу, который имѣлъ правду законную, подана была и вѣра животворящая. А кто не имѣетъ и таковой правды, чтобы исполнять законъ, у того отнимуть и то, что имѣетъ, поелику путь закона простирается даже до Іоанна Крестителя. Тоже случается и съ тѣмъ, кто думаетъ, что ему отпущены грѣхи.

„Не давайте святыни псамъ (Мѡ. 7, 6)“. Какъ тотъ, кто не возвѣщаетъ Евангелія Его, совершаетъ грѣхъ, потому что не соблюдаетъ Его заповѣди, такъ и тотъ, кто даетъ святыню псамъ. Хотя псы и не пожрали бы

святыни и свиньи не растоптали бы жемчуга, однако тотъ, кто дѣлаетъ это, оказывается соучастникомъ и помощникомъ того, кто скрываетъ деньги господина своего (Мѡ. 25, 14—29). Сей (последній) не уножилъ, тотъ не сохранилъ.

„*Пришелъ онъ со старѣйшими народа и просилъ Его, чтобы не погнушался прійти и спасти его слугу. И когда Онъ подалъ знакъ, чтобы идти, сказалъ Ему: Господи, не трудись, но скажи только слово и исцѣлится. И когда Онъ услышалъ сіе, удивился* (Лк. 7, 2—7; Мѡ. 8, 5—10)“. Богъ удивился человѣку. И сказалъ: „*ни у кого въ Израиль Я не нашелъ такой вѣры* (Мѡ. 8, 10; Лк. 7, 9)“, — дабы постыдить Израилтянъ, поелику не вѣровали въ Него (такъ), какъ этотъ чужестранецъ. Сей взялъ съ собой іудеевъ, чтобы они послужили ходатаями за него, но іудеи оказались достойными порицанія, потому что не было среди нихъ вѣрующаго въ Него. Посему „*пойдутъ во тѣмъ внишнюю* (Мѡ. 8, 12)“.

Сынъ Дѣвы вышелъ на встрѣчу сыну вдовы (Лк. 7, 11), и для слезъ вдовы былъ какъ бы утиральникомъ ¹⁾, а для смерти сына — жизнью его. Смерть удалилась въ мѣсто свое, обратившись вспять предъ побѣдителемъ.

„*У лисицъ есть свои жилища, а у Сына Человѣческаго нѣтъ мѣста, гдѣ бы приклонить голову Свою* (Мѡ. 8, 20. 21)“, т. е. въ томъ мужѣ не было ни покоя головы, ни обитанія Божества ²⁾. „*На кого призрю, — говорить, — и въ комъ буду обитать, какъ не въ*

1) Буквально: губкой.

2) Смысль этого мѣста, повидимому, такой: въ томъ скупомъ и гордомъ квижникѣ, который изъявилъ желаніе идти за Христомъ, голова т. е. главное въ человѣкѣ или душа не имѣла истиннаго мира и не была обителью Божества, потому что Богъ вселяется въ кроткихъ сердцемъ.

кроткихъ и пр. (Ис. 66, 2)¹). Или такъ какъ онъ ¹) увидѣль, что мертвые возстаютъ и нѣмые говорятъ, то помыслилъ въ себѣ, что у Того, Кто совершаетъ такія дѣла, также много есть и серебра, и потому сказалъ: „*пойду и буду слѣдовать за Тобой* (Мѡ. 8, 20)²“. Вслѣдствіе сего получилъ отвѣтъ: у лисиць есть свои жилища, у Него же нѣтъ и того, что имѣютъ лисицы, то есть, жилища.

Кто спалъ, Тотъ всталъ и усыпилъ море, дабы на морѣ, которое въ бурю усыпилъ, ясно обнаружить силу Божества, которое не спитъ (Мѡ. 8, 23—27; Лк. 8, 22; Мр. 4, 35). „*Запретилъ вѣтру и пересталъ*“³. Какая это сила? или какво милосердіе Иисуса? Ибо силой и повелѣніемъ подчинилъ Себѣ море. Итакъ, посредствомъ того, что не принадлежало Ему, то есть, посредствомъ бури моря и тѣхъ бѣсовъ, коихъ сдѣлалъ нѣмыми, показалъ Себя Сыномъ Творца ²).

Гергесиняне рѣшили не выходить (на встрѣчу) и не видѣть знаменія Господа (Мѡ. 8, 28; Мр. 4, 35; Лк. 8, 22). Посему потопилъ стадо свиней ихъ, дабы противъ воли вышли (къ Нему). Легіонъ, который былъ усмиренъ, есть образъ міра, который обращался къ кротости и добродѣтели, коего ярость укрощалась и сдерживалась Тѣмъ, Кто все животворить. Если бѣсы не могли войти въ свиней, пока не получили дозволенія, то тѣмъ менѣе они могутъ войти въ образъ Божій ³). Пусть слышатъ невѣрные, что Христосъ можетъ изгонять бѣсовъ изъ одного (человѣка) и всылать (ихъ) въ другихъ, и убоятся Бога. Ибо кто избавилъ ихъ отъ бѣсовъ, дѣйствующихъ

¹) Т. е. книжникъ, о которомъ говорится Мѡ. 8, 19. 0.

²) Имѣются въ виду еретики, считавшіе вещественный міръ твореніемъ злаго бога.

³) Т. е. безъ соизволенія Божія.

сокровенно, если не Тотъ же, Кто повелѣлъ имъ войти въ свиней, а не въ людей? О Комъ говорили: „конечно, силою Веельзевула Онъ изгоняетъ бѣсовъ (Мѡ. 12, 24; 9, 54; Мр. 3, 22; Лк. 11, 15)“, Тотъ (на самомъ дѣлѣ) велъ борьбу съ сатаной на горѣ, и здѣсь съ легиономъ, имъ предводительствуемымъ. „И какъ только вошли въ свиней, тотчасъ потопили ихъ“, дабы объявилась милосердная природа Господа, которая спасла этого мужа. „И бѣсы стали просить, чтобы не изгонялъ ихъ изъ этого мѣста и прежде времени не посылалъ ихъ въ геенну“. Кто сказалъ: „идите въ огонь вѣчный, уготованный сатанѣ и ангеламъ его (Мѡ. 25, 41)“, какимъ образомъ здѣсь изгоняетъ Веельзевула и означаетъ ему геенну¹⁾? Что это было такъ, свидѣтельствуется слово: „чтобы не посылалъ ихъ раньше времени въ геенну“.

Гергесиняне изгнали изъ своего города Того, Кто имѣлъ власть изгнать бѣсовъ изъ страны ихъ. И поелику жители этой земли боялись, что бы Онъ не далъ повелѣнiя бѣсамъ войти въ нихъ, то послалъ (исцѣленнаго) мужа, говоря: „иди, проповѣдуй“, то есть, о томъ, что къ нимъ приближается зло, потому что бѣсы, которые изгнаны отовсюду, готовятся войти въ нихъ. Такъ какъ Изгнателю бѣсовъ не позволили войти къ себѣ, то скорби ихъ усилились, поелику воспрепятствовали приходу своего Врача. И если Милостивецъ есть Сынъ иного Бога, то какимъ образомъ потопилъ свиней, которыя считаются нечистымъ произведенiемъ создателя, и демонамъ сдѣлалъ то, чего они желали, владѣтелю же стада причинилъ много (убытка) и почему діаволы узнали Изгонителя своего?

1) Т. е. если Онъ творитъ чудеса при помощи Вельзевула.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Хвала Тебѣ, Сынъ сокровеннаго Существа, ибо чрезъ тайныя скорби и язвы женщины, страдавшей кровотеченіемъ, было возвѣщено тайное Твое врачеваніе и на женщинѣ видимой было открыто людямъ Твое невидимое Божество (Мр. 5, 24—34; Лк. 8, 42—48). Поелику исцѣлилъ Сынъ, Его Божество проявилось; поелику исцѣлилась женщина, болѣвшая кровотеченіемъ, ея вѣра открылась. Она проповѣдала Христа, но и (сама) вмѣстѣ съ Нимъ была проповѣдана. Такъ какъ истина посредствомъ ея возвѣщалась, то истина возвѣстила также и о ней. И какъ женщина сдѣлалась свидѣтельницей Его Божества, такъ и Онъ явился свидѣтелемъ ея вѣры.

Женщина отдала взаемъ Христу вѣру, а Христосъ въ уплату займа возвратилъ ей здоровье. Но только послѣ того, какъ вѣра женщины стала явной, врачеваніе Господа было въ слухъ всѣхъ возвѣщено. Поелику сила Сына оказала чудное дѣйствіе и возвеличила Его, то врачи со своими лекарствами были постыжены, и ясно открылось, какъ много невидимая сила превосходитъ видимое врачество. Господь узналъ помышленія женщины ранѣе, чѣмъ они обнаружились, хотя о Немъ думали, что Онъ не знаетъ даже и лица ея. И тѣмъ, что спросилъ учениковъ (Мр. 5, 30; Лк. 8, 45), не далъ повода къ презрѣнію со стороны тѣхъ, кои искали предлога для презрѣнія ¹⁾. Вѣдь, хотя показался невѣдающимъ, потому что спросилъ, кто подошелъ къ Нему, однако (на самомъ дѣлѣ) зналъ сокровенное, потому что не по иной какой-либо причинѣ исцѣлилъ ее, какъ (именно)

¹⁾ По другому чтенію: кои искали предлога къ отрицанію Его могущества.

ради вѣры въ Него. Ибо прежде увидѣлъ тайную вѣру женщины, потомъ надѣлилъ ее явнымъ исцѣленіемъ. Итакъ, если Онъ зналъ невидимую вѣру, то насколько болѣе (могъ знать) видимый образъ человѣка.

Слѣдовательно, хотя Господь ради пользы принялъ на Себя видъ, что не знаетъ вещей явныхъ, однако тотчасъ же показалъ Свое предвѣдѣніе, по силѣ котораго Онъ зналъ и сокровенное. Какимъ образомъ, спрашиваю? Не тогда-ли, когда Симонъ говорилъ: „толпа людей окружаетъ Тебя и тѣснитъ, а Ты говоришь: кто подошелъ ко Мнѣ“ (Лк. 8, 45). Когда Симонъ сообщалъ Господу, что столь великое множество народа подходитъ къ Нему, Господь объявилъ Симону, что изъ всѣхъ (ихъ) только одна подошла къ Нему. Ибо хотя многіе, тѣснимые толпой, подходили къ Нему, однако приблизилась къ Нему въ тотъ часъ только одна, подавленная скорбями. Значитъ, Симонъ хотѣлъ указать Господу на (виѣшнее) приближеніе людей къ Господу, Господь же указалъ Симону на вѣру, которая приступала къ Нему.

Но обрати вниманіе, что изъ многихъ подходившихъ къ Господу была разыскиваема (только) одна, которая подошла. Итакъ, если всѣ подходили и изъ всѣхъ ихъ искалъ одну, то ясно, что Онъ зналъ всѣхъ, кои Его тѣснили, потому что (только) одна изъ всѣхъ ихъ, конечно, не могла бы скрыться отъ Него. Въ то время, какъ всѣ толпой, безъ разбора и тѣсна другъ друга подходили къ Нему, Онъ, осматриваясь кругомъ, изъ всѣхъ ихъ искалъ одну, откуда видно, что Онъ также (хорошо) зналъ всѣхъ, какъ и эту одну, потому-что могъ отличить ее одну, старающуюся скрыться между всѣми. Ибо хотя многіе въ тотъ часъ подходили къ Нему, однако приближались къ Нему, какъ къ человѣку; посему искалъ ту, ко-

торая подошла къ Нему, какъ къ Богу, дабы подвергнуть порицанію и обличить тѣхъ, кои подходили къ Нему, какъ къ человѣку (только). Итакъ, одну ту, которая среди всѣхъ приблизилась къ Нему, выдѣлилъ изъ всѣхъ (для того), чтобы всѣхъ однимъ словомъ научить, что Онъ знаетъ, для чего или какъ каждый изъ нихъ приступалъ къ Нему.

Значить, кто тѣлесно приступалъ къ Нему, тотъ ощущалъ (только) тѣлесное прикосновеніе, а кто духовно приходилъ къ Нему, тотъ чрезъ прикосновеніе къ человѣческому естеству прикасался къ неприкосновенному Божеству. Кто приходилъ къ Нему, какъ къ человѣку, тотъ и ощутилъ въ Немъ прикосновеніе человѣческаго естества; а кто приходилъ къ Нему, какъ къ Богу, тотъ обрѣлъ (въ Немъ) сокровище врачеванія скорбей своихъ.

Если бы жена, исцѣлившись отъ мучительной болѣзни, удалилась тайно, то кромѣ того, что чудо осталось бы скрытымъ отъ множества (окружающаго народа), также и сама женщина, исцѣленная тѣлесно, удалилась бы больной духовно. Ибо хотя по причинѣ исцѣленія вѣрила, что Христосъ есть мужъ праведный, однако, если бы дѣло осталось Ему неизвѣстнымъ, она усумнилась бы въ томъ, что Онъ—Богъ. Вѣдь и къ праведникамъ нѣкоторые приходили и были исцѣляемы, однако не такъ, чтобы праведники знали, кто именно къ нимъ приходилъ и получалъ исцѣленіе. Итакъ, чтобы женщина, исцѣлившаяся тѣлесно, не осталась больной душевно, Господь, пришедшій для спасенія ума и тѣла, поспѣшилъ уврачевать ея умъ. Посему сказалъ: „кто прикоснулся къ одеждамъ Моимъ (Мр. 5, 30)?“

Господь не хотѣлъ открывать той, которая прикоснулась къ Нему, не потому, чтобы намѣренъ былъ

ввести людей въ заблужденіе Тотъ, Кто этимъ самымъ дѣломъ хотѣлъ воспренятствовать обману, и не потому, чтобы не хотѣлъ исповѣдать истину Тотъ, Кто для того это и сдѣлалъ, чтобы люди исповѣдовали истину. Итакъ, почему (же) Господь не открылъ того, кто прикоснулся къ Нему? Потому что надлежало, чтобы сама исцѣленная сдѣлалась свидѣтельницей врача и чтобы та, которая явно исцѣлилась, дала свидѣтельство о силѣ, которая тайно исцѣлила ее. Господь не спѣшилъ свидѣтельствовать Самъ о Себѣ, такъ какъ находился среди враговъ Своихъ, но спокойно ожидалъ, пока (самое) дѣло, которое совершилъ, возвѣститъ о Немъ. И такимъ образомъ, этимъ ожиданіемъ и друзьямъ придавъ бодрости и враговъ обличилъ. Ибо когда, ожидая, обратилъ общее вниманіе на женщину, (тогда) какъ друзья Его, такъ и враги, увидѣвши ее, узнали, что это есть та самая женщина, которая докучала всѣмъ врачамъ, но и отъ всѣхъ врачей потерпѣла отягощеніе (въ своей болѣзни) (ср. Мр. 5, 26). Сила же, ишедшая отъ Него, была послана и коснулась оскверненнаго чрева, такъ (однако), что сама не подверглась оскверненію. Точно также и Его Божество не было осквернено обитаніемъ въ освященномъ чревѣ, поелику дѣва и по закону и кромѣ закона болѣе свята, чѣмъ та женщина, которая излишествомъ своей крови вызывала отвращеніе. Сверхъ того, и враги Его подверглись порицанію и были обличены (въ томъ), что худо поступали съ Тѣмъ, Кому повиновалось неукротимое теченіе крови, дѣйствовавшее въ (несвободномъ) естествѣ, когда по свободѣ, вложенной въ ихъ волю, отказывали Ему въ послушаніи.

Итакъ, друзья Его человѣческимъ естествомъ были утверждены въ вѣрѣ, враги же обличены и наказаны.

Ибо друзья Его были научены, что какъ сила Его, коснувшаяся терзаемаго болѣзнями чрева, для пользы его коснулась, такъ и Его Божество, обитавшее въ человѣческомъ естествѣ, соединилось съ человѣчествомъ для пользы человѣчества. Но враги Его болѣе хотѣли положить Его себѣ камнемъ преткновенія (Ис. 8, 14; 28, 16; Рим. 9, 33), говоря: не знаетъ закона, такъ какъ женщина, нечистая по закону, прикоснулась къ Нему, и Онъ не отвергъ ея. Тѣ, кои лишали себя свѣта, собственными руками закрывая (свои) глаза, не поняли, что та сила, которою очищаются нечистыя вещи, не можетъ быть осквернена никакой нечистотой. Ибо если огонь своею силою очищаетъ золото и другія нечистыя вещи, не подвергаясь самъ оскверненію, то тѣмъ болѣе сила Божества Христа очищаетъ, не дѣлаясь сама нечистой. Вѣдь, огонь не нуждается въ очищеніи и, дѣйствительно, ничто не можетъ его осквернить. И чистое, и нечистое, если и раздѣлено нѣкоторымъ разстояніемъ, смѣшивается (однако) вмѣстѣ однимъ дуновеніемъ вѣтра и достигающимъ до него сильнымъ солнечнымъ жаромъ, откуда открывается, что нѣтъ ничего нечистаго, кромѣ того, что порочить жизнь свободы ¹⁾.

Для чего сказалъ Господь: „кто прикоснулся ко Мнѣ (Мр. 5, 31)?“ Для того, чтобы та, которая знала о своемъ исцѣленіи, не оставалась въ невѣдѣніи о томъ, что Господу извѣстна ея вѣра. И такъ, изъ того, что здоровье возвратилось (къ ней), она узнала, что Онъ есть Врачъ всѣхъ, а изъ вопроса Его по-

¹⁾ Т. е. если такъ называемыя чистыя и нечистыя вещи, даже раздѣленныя нѣкоторымъ разстояніемъ, подъ дѣйствіемъ разныхъ причинъ смѣшиваются вмѣстѣ и составляютъ какъ бы одну вещь, то ясно, что нечистое не въ природѣ вещей, а въ свободѣ чловѣка имѣетъ свое начало.

няла, что Онъ есть Испытатель всяческихъ. Когда увидѣла, что,—какъ говорить Писаніе,—и это также не скрыто отъ Него, то вслѣдствіе этого въ ней родилась мысль, что отъ Него ничто вообще не скрыто. Посему Господь показываетъ ей, что дѣйствительно отъ Него ничто не скрыто, дабы не отошла отъ Него въ заблужденіи. Такимъ образомъ, узнавши, что Христосъ исцѣляетъ видимыя раны, она вмѣстѣ съ тѣмъ поняла и то, что Онъ вѣдаетъ тайное. Кто врачуетъ раны тѣла и испытываетъ тайны ума, Тотъ,—увѣровала она,—есть Господь тѣла и ума вмѣстѣ. Посему, какъ Господь тѣла, Онъ укротилъ тѣло съ его страданіями, а какъ Судія мысли, просвѣтилъ умъ съ помышленіями его. Безъ сомнѣнія, эта женщина послѣ того боялась, дабы не преступить въ какомъ-либо дѣлѣ Его заповѣди, такъ какъ вѣровала, что она всегда на виду у Того, Кто увидѣлъ ее однажды, когда сзади она прикасалась къ краю Его одежды; и она сильно опасалась, чтобы на будущее время не погрѣшить даже въ помыслахъ, зная, что ни одно дѣло не составляетъ тайны для Того, Кто далъ ей доказательство, что дѣла подобнаго рода не скрыты отъ Него.

Если бы исцѣленная женщина молча удалилась отъ Него, то Господь лишилъ бы ее вѣнца геройскаго мужества; ибо вѣра, которая въ этой сокровенной войнѣ храбро боролась, должна была явно стать увѣнчанной. Посему голову ея украсилъ мысленнымъ вѣнцомъ, говоря: „*иди въ миръ* (Мр. 5, 34; Лк. 8, 48)“; ибо миръ есть вѣнецъ ея побѣды. Но чтобы сдѣлать яснымъ, гдѣ находится источникъ этого вѣнца, для сего, сказавши: „*иди въ миръ*“, не замолчалъ, а добавилъ: „*въра твоя спасли тебя*“, дабы показать, что миръ, который, какъ діадему, повязали уста Господни, есть тотъ вѣнецъ, коимъ увѣнчивается вѣра женщины.

„Вѣра твоя спасла тебѣ“. Вѣра, возставившая ее къ жизни, дѣйствительно снискала вѣнецъ. Для того и возгласилъ и сказалъ: „кто прикоснулся къ одеждамъ Моимъ“, чтобы всѣмъ дать знать, что кто-то съ большею увѣренностью, чѣмъ прочіе, прикоснулся къ Нему. Какъ женщина болѣе другихъ хотѣла почитать Его, — прежде всего тѣмъ, что подошла къ Нему сзади; затѣмъ, что коснулась края одежды Его; такъ, надлежало также, чтобы и эта женщина была почтена преимущественно предъ прочими.

„Знаю, что никто прикоснулся ко Мнѣ (Лк. 8, 46)“. Почему насильно не указалъ народу на ту, которая прикоснулась къ Нему? Потому что хотѣлъ научить дерзновенности вѣры. Пусть научится вѣра похищать тайно и славиться своимъ хищеніемъ, поелику Господь явно научилъ вѣрныхъ хищенію при помощи вѣры. Вѣру, которая похитила, похвалою ободрилъ, дабы прославлялась своимъ хищеніемъ. Вѣра совершила хищеніе, и была возвеличена, хитростью захватила, и была похвалена, дабы открылось, что недостойная вѣра сдѣлалась бѣдной, такъ какъ не похищала, и стыдомъ покрылась, поелику не брала насильно. Такъ и Рахиль, похитившая идоловъ (Быт. гл. 31), была похвалена и, прилѣпившись къ правдѣ, увѣнчалась. Также Мелхола по своей справедливости скрыла Давида (1 Ц. гл. 19) и за свою хитрость призвана была къ наградѣ царства его. Дивно слышать! въ то время, какъ всякое хищеніе служить позоромъ для хищника, хищеніе вѣры дѣлаетъ хищниковъ достойными похвалы предъ лицомъ всѣхъ.

„Кто прикоснулся ко Мнѣ?“ Господь сокровища искалъ похитителя Своего сокровища, дабы обличить и постыдить тѣхъ, кои не хотѣли похищать Его сокровищъ, предложенныхъ и оставленныхъ для всѣхъ.

Слабые вѣрою наказаны были бѣдностью, сильные же въ вѣрѣ, дерзновенно требуя, пошли и поспѣшили тайно похитить.

„Кто прикоснулся ко Мнѣ? Сила великая изошла отъ Меня (Мр. 5, 30)“. Тотъ, Кто зналъ, что отъ Него изошла сила, могъ-ли оставаться въ невѣдѣніи (о томъ), на комъ почилъ сила, исшедшая отъ Него? Или, быть можетъ, сила отторгнута была отъ Него насильно и исцѣленіе добыто хищникомъ вопреки Его волѣ? Но поелику существуютъ лекарства, которые полезны для здоровья, хотя сознанія объ этомъ въ нихъ нѣтъ, то Господь хотѣлъ научить исцѣленную женщину, что Тотъ, Кто далъ ей здоровье, отлично ее знаетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ, что Онъ не есть какъ бы нѣкое врачество, которое по (самой) своей природѣ исцѣляетъ всѣхъ, его принимающихъ, но что съ сознаніемъ и разумніемъ Своею волею исцѣляетъ тѣхъ, кои почитаютъ Его.

Итакъ, сія сила изошла отъ полного славы Божества и исцѣлила оскверненное чрево, которое по закону было нечисто, дабы ясно было, что Божество никогда не отвращается отъ того, кому присуща вѣра. Ибо вѣра есть дерево, на коемъ почиваютъ Божественные дары. Если къ нечистотѣ, проистекающей изъ закона, присоединяется свободная вѣра, то она ¹⁾, конечно, отдѣляетъ и оскверняетъ, но вѣра освящаетъ и соединяетъ, а воля совокупляетъ и изглаждаетъ. Хотя законъ повелѣваетъ (осквернившемуся) отдѣляться, однако Ілія по вѣрѣ получилъ освященіе, не какъ врагъ закона, а какъ приверженецъ закона. Не осмѣливайся думать, что

¹⁾ Т. е. нечистота.

Илія отвергалъ законъ, который повелѣвалъ пользоваться чистою пищею (Исх. 11, 1—24; Вт. 14, 4—21); ибо законъ научилъ Илію, что пища не можетъ сдѣлать нечистымъ. Илія не былъ противникомъ закона, и законъ не оказался противоборствующимъ своему Законодателю. Илія зналъ немощность закона (ср. Рим. 8, 3), и потому не поступалъ, (какъ) немощный по закону. Законъ зналъ волю Законодателя, и потому согласно Его волѣ разрѣшилъ и связалъ. Ибо хотя Илія принималъ пищу отъ нечистаго ворона (3 Ц. 17, 2—6), однако твердо сохранилъ все то, что принялъ изъ устъ Божіихъ; отцы же ихъ, хотя получали питье въ пустынь изъ чистыхъ устъ скалы (Исх. 17, 1—7), однако не хотѣли сохранить того, что принимали изъ устъ Божіихъ. Хотя Илія свято питался при помощи нечистаго ворона, однако потомъ духовно былъ напитанъ святымъ Божествомъ, а отцы ихъ, хотя пищею ангельскою ¹⁾ питали свои тѣла, однако умъ свой напитали поклоненіемъ телицѣ (Исх. 32, 1—6).

Что Илія сказалъ далѣе: „я одинъ остался пророкъ Господень (3 Ц. 18, 22)“, (сіе) должно быть понимаемо не въ смыслѣ жалобы его на то, что нигдѣ болѣе нѣтъ праведниковъ, но (этими словами) онъ порицалъ грѣшниковъ, которые ихъ истребили. Не того желалъ, чтобы одному остаться праведнымъ, поелику потому и не найденъ былъ ими въ теченіи трехъ лѣтъ (3 Ц. 18, 10), что въ глазахъ его они оказались удалившимися отъ Бога ²⁾. Ибо какъ жадные и прожорливые пророки Ваала утѣшались и

¹⁾ Т. е. манною.

²⁾ Буквально: что нашелъ ихъ таковыми, кои не пріобрѣтены Богомъ.— Мысль св. Ефрема такова: Илія, говоря: „я одинъ остался пророкъ Господень“, поступалъ не по внушенію гордости, ибо иначе не скрылся бы отъ народа, но торжественно явилъ бы себя ему.

улаждались многочисленными пирами при трапезѣ Іезавели, такъ и преслѣдованіе истинныхъ пророковъ какъ бы очарованіемъ какимъ-то привело въ изумленіе предъ ними всѣхъ, кои вмѣстѣ съ ними готовы были склонить свои шеи подъ остріе меча.

А теперъ намъ слѣдовало бы рѣчью нашей ¹⁾ принести благодарность за приведенныя слова и умолкнуть; не такъ, какъ если бы мы (нарочито) составили эту рѣчь, но сами эти слова по своему средству вызвали (у насъ) другія, чтобы вмѣстѣ съ ними быть высказанными.—Итакъ, вставленная нами рѣчь о сихъ словахъ разсуждала: „кто прикоснулся ко Мнѣ? Я знаю, что сила великая изошла отъ Меня“. Другой же Евангелистъ пишетъ: „сила обильная исходила отъ Него и исцѣляла всѣхъ (Лк. 6, 19)“. Господь въ одномъ только случаѣ объявилъ, что отъ Него изошла сила. Почему (же) въ этомъ только случаѣ сказалъ сіе, хотя чрезвычайный Его даръ не разъ исходилъ (отъ Него) для исцѣленія явной нечистоты? Но Господь зналъ, что (Онъ Самъ) исшелъ изъ утробы, и зналъ тѣхъ, кои не хотѣли вѣрить въ рождество Его. Посему послалъ Свою силу въ оскверненное чрево, дабы хотя посредствомъ оскверненной утробы увѣровали, что Онъ исшелъ изъ святой утробы.

„Кто прикоснулся ко Мнѣ, ибо сила великая изошла отъ Меня?“ Ни въ какомъ иномъ мѣстѣ не сказано подобнаго слова о Врачѣ нашемъ, потому что нигдѣ въ другой разъ не встрѣчалась Врачу нашему подобная болѣзнь. Для леченія подобныхъ болѣзней обыкновенно приглашается много врачей, болѣзни

---

¹⁾ Отсюда видно, что предыдущія разсужденія внесены св. Ефремомъ изъ своей рѣчи о кровоточивой.

же сей женщины противосталъ одинъ Врачъ. Поелику многіе (врачи) старались помочь язвѣ этой женщины и худо съ ней поступали, посему одинъ помогъ ей, дабы дать ей покой отъ отягощенія со стороны многихъ. Врачебное искусство старалось удалить нечистую болѣзнь и прибавляло страданія къ страданіямъ. Чѣмъ больше (врачей) приходило, — говорить (Евангеліе), — тѣмъ сильнѣе становилась ея болѣзнь. Край же одежды явился на помощь страданіямъ, и совершенно уничтожилъ страданія. „И почувствовала сама въ себѣ, что исцѣлилась отъ мученій своихъ (Мр. 5, 29)“.

Итакъ, когда искусство, облеченное всею мудростью, умолкло и отступило, тогда возвѣстило о Себѣ Божество, облеченное въ одежды. Облеклось плотью и низошло къ людямъ для того, чтобы вырвать и исторгнуть у людей то, что свойственно человѣку, Божественную же Свою природу въ знаменіяхъ ясно показать вѣрнымъ. Не осмѣливайся помышлять объ одной только человѣческой природѣ Господа. (Онъ) явилъ (Свое) человѣчество, дабы небесные (духи) увѣровали, что онъ сталъ земнымъ, и явилъ Божество, дабы земные увѣровали, что Онъ есть небесный. Плоть отъ людей принялъ, дабы люди могли возвыситься до Его Божества, и явилъ Божество, чтобы не унижалось Его человѣчество.

Руки жены грѣшницы обняли ноги Его, чтобы получить даръ благодати отъ Божества Его. Итакъ, Господь показалъ Свое человѣчество, дабы жена грѣшница могла подойти къ Нему, и въ то же время показалъ Свое Божество, чтобы обличить фарисея (Лк. 7, 36—50). Кто смѣялся надъ слезами грѣшницы, надъ обличенными помыслами того посмѣялась жена грѣшница. Такъ какъ слезы, скрытыя въ

очахъ, она по любви излила явно, то Господь также ради дерзновенной ея рѣшимости раскрылъ сокровенныя помышленія фарисея. Ибо жена грѣшница считала Христа Богомъ, какъ засвидѣтельствовала ея вѣра; Симонъ ¹⁾ же принималъ Христа за человека, (какъ) показали его помышленія. Итакъ Господь, произнося судъ надъ обоими, сказалъ притчу, словами которой укрѣпилъ грѣшницу и истолкованіемъ коей обличилъ фарисея.— Но вотъ хотя мы теперь, какъ бы на виду у всѣхъ, подобно Соломону, оказались среди общества женщинъ ²⁾, однако не потерпѣли, какъ Соломонъ, вреда отъ женщинъ, хотя, подобно Соломону, и вращались среди женщинъ. Ибо дочери языческія прелестями своими совертали Соломона отъ служенія Богу къ своимъ идоламъ (3 Ц. 11, 1—8), а здѣсь вѣру дочерей языческихъ мы объявляемъ большею вѣры дочерей еврейскихъ. Жены Соломона здоровымъ своимъ тѣломъ сдѣлали здоровую вѣру Соломона больною, эти же своимъ исцѣленіемъ больной нашей вѣрѣ чуднымъ образомъ возвращаютъ здоровье.

Кто тотъ, который бы не исцѣлился вѣрою этой женщины? Ея вѣра вдругъ, какъ бы во мгновение ока остановила теченіе крови, которое продолжалось двѣнадцать лѣтъ. Кромѣ того, многіе врачи долгое время разсматривали ее, но Врачъ Единородный въ одно мгновение времени призрѣлъ ее. Въ теченіи многихъ лѣтъ, когда женщина пользовалась врачами, было растрчено многое изъ ея имѣнія; но когда однимъ мгновениемъ она воспользовалась Врачемъ нашимъ, ея разсѣянныя помыслы соединились въ

1) Т. е. фарисей, о которомъ говорится у Лк. 7, 36—50.

2) Т. е. кровоточивой и грѣшницы.